

— Игорь Владимирович, недавно вы сыграли на сцене роль Льва Николаевича Толстого — в спектакле Малого театра «Возвращение на круги своя». Было бы интересно узнать о ваших самых ранних впечатлениях, связанных с Толстым.

— Знакомство с Толстым началось у меня очень давно, в раннем детстве. Мне, пятилетнему мальчику, прочитали рассказ, вернее басню в прозе «Старый дед и внучок» из «Первой русской книги для чтения». Если помните, это коротенькая история о том, как ребенок невольно пристыдил родителей за жестокое отношение к дряхлому деду. Она буквально пронзила меня, заставила первый раз понять, как важно внимание, уважение к человеку, особенно в его старости. Острота детского впечатления не изгладилась до сих пор.

Вообще в нашей семье существовало настоящее преклонение перед Толстым. Читали его книги, много говорили, спорили о нем. Моя мать увлекалась толстовскими идеями, особенно в области воспитания, и даже применяла их на деле. Я очень благодарен ей и считаю, что многим в своем характере обязан этому влиянию. И сам, будучи отцом, а потом и дедом, старался использовать лучшее из педагогического опыта моей матери.

Мы жили в Москве недалеко от хамовнического дома Льва Николаевича. Толстой был еще жив и иногда бывал в городе. Я не раз слышал, что родители собирались пойти, чтобы взглянуть на него — хотя бы издали. Кажется, так и не вышло. И сейчас сильно жалею об упущенной единственной возможности — увидеть Толстого...

— При каких обстоятельствах произошла ваша первая творческая встреча с толстовским наследием?

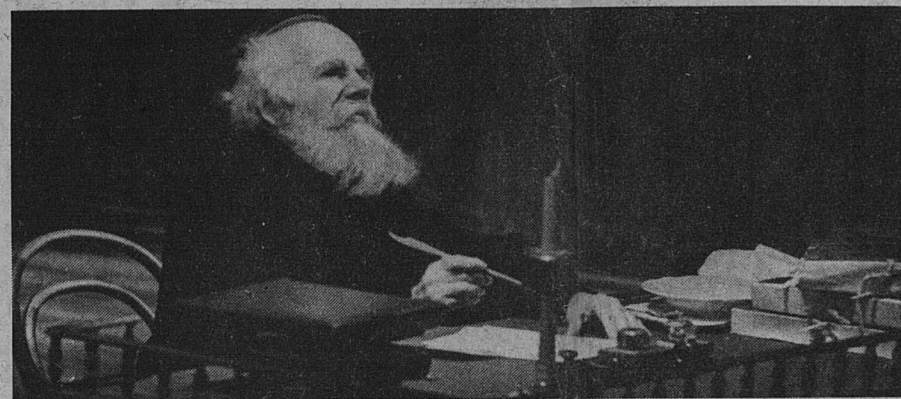
— Любовь к Толстому прошла через всю мою сознательную жизнь. С годами она росла, крепла. Больше того: творчество Толстого постепенно становилось для меня самым близким во всей русской литературе. Все сильнее привлекала его исполнительская личность. Понятно, что я как актер давно мечтал о том, чтобы попробовать силы в исполнении произведений Толстого. Но в театре много лет не доводилось встретиться с его образами. Долго не решился начать чтение Толстого с концертной эстрады. Считалось, что моему амплу больше соответствует ранний Чехов, Зощенко. А я думал о лучших страницах «Войны и мира» — встреча с дубом, поле Аустерлица, свидание Наташи с умирающим князем Андреем... Решился, однако, начать с «Истории Карла Ивановича». Было это в начале 30-х годов. Помню страх перед первым выступлением и ощущение полного провала после концерта. И все же я не бросил этого дела, продолжал работать, искать. Усилия, как видно, не пропали даром. Во всяком случае отрывок и поныне находится в моем активном репертуаре.

— Большой успех принесло вам выступление в образе Акима из спектакля Малого театра «Власть тьмы»...

— Думаю, что в этой работе больше всего помогла мне вера в Толстого, в его глубокую правду, справедливость и истинность нравственных начал. Пока не пришло это абсолютное доверие автору, было очень сложно разобраться во всех тонкостях роли. А потом я начал понимать, что любая мелочь в ней, даже самые, казалось бы, незначительные слова Акима, вроде его знаменитых «тае» и «значит», несут свою очень важную смысловую нагрузку. Играл Акима, стал испытывать наслаждение от того, что мог высказать толстовскую мысль, говорить как бы от имени самого Толстого. Ведь не раз замечалось, как близки многие суждения Акима мировоззрению его великого создателя. Кстати, когда началась

ПУТЬ К ИСТИНЕ

Интервью с народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда И. ИЛЬИНСКИМ

работа над образом Толстого в спектакле «Возвращение на круги своя» по пьесе И. Друцэ, постановщик Б. Равенских убеждал меня, что опыт исполнения роли Акима должен мне теперь очень пригодиться, наверное, режиссер был прав, стараясь таким образом рассеять мои сомнения.

— Вы играете Акима много лет подряд. Изменилось ли в чем-нибудь ваше понимание роли?

— Да, премьера состоялась в 1956 году. Бывали и раньше в истории театра примеры такой длительной жизни актера в образе. Говорят, что некоторые крупные мастера, отточив роль до полного совершенства, позволяли себе подолгу ничего в ней не менять. Я, признаться, не верю этому. Не может артист быть одинаковым из вечера в вечер. Это противоречит самой природе театра. Неизбежно, даже против воли артиста, происходит эволюция образа, существует момент импровизации — новый на каждый день. Не только Акима я играю так долго. С образом Аркашки Счастливецова из «Леса» я неразлучен более полувека. Но каждый год — буквально — переосмысливаю старые роли с учетом стремительно меняющейся жизни, новых представлений об актерском искусстве. Стараюсь играть тоньше и проще. Приходится беспрерывно пускать в образ новую кровь, чтобы сохранить непосредственность и свежесть чувства. Гибельно для художника — отстать от времени, остановиться на достигнутом. Надо всегда искать проявлений подлинной жизни в характере, а не довольствоваться лишь копированием ее внешних примет.

— Расскажите, пожалуйста, как вы готовили роль Льва Толстого.

— Сложность работы была поистине огромной. Я уже упоминал о некоторых колебаниях — смогу ли сыграть такую роль. Признаюсь, эти чувства посещали меня не раз, и временами я даже помышлял об отказе. Теперь рад, что решимость превозмогла сомнения. Судьба подарила мне великое творческое счастье. И здесь хочу еще раз от души поблагодарить режиссера Бориса Равенских и автора пьесы Иона Друцэ за их труд, помощь и большую веру в мои актерские и человеческие силы.

Конечно, в период работы над спектаклем я очень много читал и самого Толстого, и воспоминания о нем. Бывал вместе с постановочной группой в Ясной Поляне и московских музеях, встречался со специалистами по изучению творчества и

жизни Льва Николаевича. Слушал сохранившиеся записи его голоса, подолгу рассматривал фотографии, смотрел старые киноленты, запечатлевшие облик Толстого. Я уже знал его жесты, интонации, манеру поведения и многие черты внешней характеристики и все же на репетициях чувствовал поначалу какую-то сковывающую неправду в каждом своем движении. Внимание задерживалось на любой детали, я думал о мелочах, и это мешало двигаться к сути образа. Дело пошло успешнее, когда я начал искать внутреннее самочувствие в каждом эпизоде, и главное, постарался проникнуть в мысль Толстого, сжиться с ней, сделать своей. Тогда-то и появилась определенная свобода поведения, и я перестал замечать то, что так мешало раньше.

Хотел бы упомянуть еще об одной сложности. Я очень опасался, играя Толстого, упасть в назидательный, поучительный «жест», как-то: специально подчеркивать мудрость, значительность, величие его личности. Это, казалось мне, способно опорт и исполнение. С другой стороны,

полный отказ от этих красок мог повести к мельчанию, снижению образа, искажению его смысла. Надо было, балансируя между двумя крайностями, отыскивать особые формы выражения и актерские приемы.

— Какие же мысли, чувства вашего героя оказались наиболее близкими для вас?

— Очень дорога мне одна из идей спектакля, создающих в немалой степени драматизм центрального образа. Это толстовская мысль о том, что каждый человек, проповедующий высокие нравственные принципы, должен сам неукоснительно следовать им. Известно, какие мучительные противоречия испытывал Толстой, вынуждаемый обстоятельствами всей жизни к трудному моральному компромиссу. Глубокий внутренний конфликт был среди причин его ухода из Ясной Поляны. Пьеса Друцэ показывает именно этот, последний период жизни Толстого.

Понятны, близки мне в Толстом его чувственное мировосприятие, любовь к физическому труду, спорту, природе, к животным. Волнует сцена прощания с любимым конем — Делиром, трогают слова Толстого о том, как тяжело с возрастом приходилось ему отказываться от многих жизненных радостей...

Много труднее было воспринять некоторую суровую жестокость решений Толстого по отношению к близким, к семье. Это связано в спектакле с историей знаменитого завещания писателя, лишившего Софью Андреевну и детей наследственных прав на издание его сочинений.

Можно долго разговаривать на эту тему. Но теперь хочу сказать только то, что работу над ролью не считаю вполне законченной и буду по возможности ее продолжать. Но чувство первого удовлетворения я уже испытал, ибо, как говорит в спектакле Толстой, «изредка высшая истина проходила через меня». Может быть, я ошибаюсь, но судить об этом должен зритель.

Путь к образу был очень долгим. Может быть, на протяжении всей жизни. Но теперь, мне кажется, я по-настоящему почувствовал, ощутил всем своим существом мирообъемлющий размах гигантской личности величайшего художника, мыслителя, гуманиста.

Вел беседу А. ВОЛЧАНСКИЙ.

НА СНИМКЕ: «Возвращение на круги своя». В роли Льва Толстого Игорь Ильинский.

Фото И. ЕФИМОВА.